УДК 821.512.111’81’38:82-32Тхти DOI 10.26293/chgpu.2019.105.5.013

Н. Н. Осипов

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗОВ ЧУВАШСКОГО ПРОЗАИКА ИЛЛЕ ТХТИ

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. В статье анализируется поэтика малых жанров прозы И. Тхти. Особое внимание уделено исследованию факторов, оказавших влияние на формирование эстетического идеала писателя, свидетельствующих о продолжении национальных традиций и новых поисках. Прослеживаются идейные и художественные особенности произведений малой прозы, приемы и средства создания комического, определяется своеобразие комических героев. Установлено, что в творчестве И. Тхти объединены общечеловеческие и национальные духовные ценности чувашей как этноса, близкого к природе, духовного, красноречивого, чистоплотного, наивного, приветливого, снисходительного, человечного, суеверного и т. д. Произведения И. Тхти заметно отличаются от книг других чувашских авторов тем, что в них четко отражена национальная специфика народа.

Ключевые слова: *жанр, рассказ, герой, читатель, рассказчик, внутренняя речь, композиция, поэтика, монтаж, образ, культура, ментальность.*

N. N. Osipov

POETIC MANNER OF STORIES BY CHUVASH PROSE WRITER ILLE TKHTI

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article analyzes the peculiarities of poetics of small genres of Ille Tkhti's prose; pays special attention to the study of factors that are essential in the formation of the aesthetic ideal of the writer; indicates the continuation of national traditions and new searches; determines the originality of the comic characters of the prose writer; establishes that the productions of Ille Tkhti combine the universal and national spiritual values of the Chuvash people as a close-to-nature, spiritual, eloquent, neat, naive, friendly, forgiving, humane, superstitious ethnos. The works of Ille Tkhti differ from the works of other Chuvash writers in that they very clearly reflect the national specificity of the people.

Keywords: *genre, story, hero, reader, narrator, inner speech, composition, poetics, editing, image, culture, mentality.*

Актуальность исследуемой проблемы. Обращение к проблеме малой прозы известного писателя И. Тхти весьма актуально для чувашского литературоведения XXI в. Творчество И. Тхти отличается оригинальностью и своеобразием с самого начала его становления как прозаика. Новые темы и приемы, привнесенные им в чувашскую литературу при создании оригинальных рассказов «Иптеш», «Шерхулла», «Помидор» и др., ранее не подвергались отдельному изучению, что определяет актуальность исследования. Цели статьи – целостный анализ рассказов И. Тхти, выявление индивидуально-авторских особенностей и приемов с учетом жанрово-стилевого и художественно-эстетического своеобразия чувашской малой прозы.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования послужили рассказы И. Тхти. При рассмотрении произведений использованы методы сопоставительного, целостного изучения текста и историко-типологического анализа.

Результаты исследований и их обсуждение. Развитие национальной и младописьменной литературы во многом зависит от личности и творчества отдельных авторов. Литература, в свою очередь, стимулирует развитие писательского таланта. Таким образом, развитие младописьменной словесной культуры и появление ярких творческих индивидуальностей – явления взаимодополняемые. По мнению исследователя чувашской литературы Г. И. Федорова, «чрезмерно актуальной становится проблема изучения национальной природы художественной литературы, наиболее выдающихся представителей словесности» [цит. по 5, с. 3]. Многогранный талант И. Е. Ефимова (И. Тхти) (1889–1938), несомненно, считается одним из явлений в чувашской литературе и словесной культуре.

Творческие поиски поэта и прозаика И. Тхти неоднократно становились предметом тщательного анализа с точки зрения жанровой природы произведений, национально-своеобразной поэтики и стиля, интонации повествования. К его прозаическим опытам обращались ученые Ю. М. Артемьев [1], В. Г. Родионов [7], [8], Г. И. Федоров [9], его малый жанр изучался исследователями Ю. В. Яковлевым [10], И. Ю. Кирилловой [3], [4]. Основные вехи художественной деятельности писателя, казалось бы, давно уже проанализированы. Однако есть еще немало неосвоенных сторон образной природы его художественного мышления, особенностей композиционной структуры его произведений, их сюжетного механизма.

На первый взгляд, в творениях И. Тхти нет ничего примечательного. Но все-таки надо отметить, что для его творчества характерно то, что художественные особенности не получают открытого и прямого выражения, а создаются условные миры. Язык и стиль автора и его героя – это лишь внешняя оболочка произведений. В них есть еще и другой, условно-сказочный язык – язык искусства, который нередко называют «подтекстом» [2, с. 261]. Сказанное на этом условно-сказочном языке не соответствует, часто даже противоречит написанному. В тексте сливаются реальность и условно-сказочные факты и фразы, передавая сюжету невероятный приключенческий, а также комический настрой. В связи с этим многие читатели далеко не всегда и не сразу воспринимают подлинный смысл его творений. Для того чтобы понять суть произведений автора, надо постараться осмыслить и овладеть этим своеобразным языком.

Все, что выходило из-под пера И. Тхти, – это якобы бытовые сцены непритязательной, провинциальной жизни. Сюжетная линия произведений, подчиняясь законам жанра рассказа, логично развивается, держится на вполне повседневных, обыденных событиях и понятных всем происшествиях. Особенностью такого подхода к проблеме сюжета становится умение автора видеть в незначительных деталях глубокий социальный подтекст. Рассказ можно расценивать как политическую сатиру, в которой выражается критическое отношение к советской действительности и попыткам воспитания нового типа личности.

Фабульная линия рассказа «Иптеш» [6, с. 102–107] состоит из семейно-бытовых сцен, объединенных логикой размышлений. Герой неожиданно получает письмо, адресат которого обращается к нему как к Тхти, называет его по-татарски «Иптеш». В рассказе «Шерхулла» [6, с. 60–72] главный персонаж – замечательный пастух, добрый татарин – хочет увлечь жену Мидюка и позвать ее с собой неизвестно куда. В «Помидоре» [6, с. 278–287] будто бы незадачливый мужчина по прозвищу Иван-Осел идет в гости к молодушке Улю и оказывается в весьма щекотливой ситуации – Улю приводит к себе домой другого человека. Иван, герой рассказа «Помидор», – семейный человек, но по ночам ходит на свидание к одинокой женщине Улю. Однажды он невольно подслушивает ее разговор с другим мужчиной, из которого узнает об увлекательной истории о помидоре. Незаметно выйдя из дома Улю, Иван возвращается к себе. После этого он решает не изменять своей жене, вступает в коллективное хозяйство и погружается в общественную жизнь. Непознанных тайн в этих сочинениях довольно много.

Во-первых, герой «Иптеша» так и наречен: Тхти. Кто это? Сам писатель или персонаж, именуемый Тхти? И Шерхулла на словах вроде и добр, и мастер пастушьего дела, и певун, и плясун, и женщин может увлечь.

Рассказчик Тхти разбирает с читателем якобы полученное от редактора районной газеты письмо с замечаниями в адрес своих произведений, взаимоотношений с политически развитой женой.

Главный персонаж рассказа «Шерхулла» – обыкновенный пастух, он приятен читателю не только своей шутливой речью, но и своими песнями и танцами, манерой красиво и опрятно одеваться. Имея татарские и чувашские корни, он с уважением относится не только к чувашам, но и к своей работе, чем и вызывает к себе расположение деревенских жителей, поэтому Шерхулла – всегда дорогой гость на всех мероприятиях и праздниках. На очередной свадьбе, которая состоялась в летнюю страду, он вызвал к себе симпатию красавицы Настасье, муж которой, заметив ее ответные знаки внимания, решил наказать пастуха. На следующий день влюбленные встречаются, и Шерхулла просит Настасью сбежать с ним, но ее пугает неопределенное совместное будущее. Так свадьба изменяет спокойную жизнь героя и способствует раскрытию его духовного состояния. В Шерхулле писатель реализовал качества чувашского народа: приветливость, снисходительность, наивность, сообразительность, смекалистость, рассудительность.

На деле же Шерхулла попросту сбегает со свадьбы, боясь, что Мидюк его может побить. Да и женщина оказалась побитой мужем, а Шерхулла никак не смог за нее заступиться. Иван-Осел, спрятавшись от «сладкой пары» в запечье, фактически стал объектом самого, казалось бы, смешного казуса. Иптеш своей манерой общения маскирует свои мысли под игрой в простодушного (наивного) обывателя. Герой слегка иронизирует над собой, принижая себя: «… это не по советским законом, но такой вот я человек, в порядках новых не разбираюсь. Люди в обыденной жизни раскрываются, проницательнее, образованнее становятся. Я же не такой» [2, с. 261].

Надо обратить внимание на то, у И. Тхти нет заезженной, автоматической речи, при которой сразу все улавливаешь после первого прочтения. Это обстоятельство, естественно, ставит читателя (а вернее, слушателя, ибо на первом месте всегда рассказчик, а не повествователь) в трудное положение. Рассказчик – это «автор» устного высказывания со всеми вытекающими последствиями.

Рассказчик как бы и завершил свой монолог – продукт автоматизированной, безликой речи. Однако на поверку высказывание писателя – это притча, или, с позволения сказать, притчевый анекдот. Рассказ окончен, а звук остался на площадях неразгаданного смысла. Играя в наив, в простака, И. Тхти приглашает читателя-слушателя вернуться к феномену обратного чтения. Монологи его рассказчиков, как правило, театрализованы, построены на игре, философско-анекдотическом феномене. Высказывание, к тому же, наполнено иронией, шуткой, носитель повествования переворачивает все вверх дном, черное становится белым, белое – черным. Сюжетные тайны проникают в механизм языкового изображения.

Тхти как герой (хотя он вроде тоже писатель – лукавство) получает письмо от татарина, который называет его не только иптешем, но и юлером (глуповатым). Но все обстоит совершенно иначе: он замечательный семьянин, хорошо понимает политическую обстановку в стране. По сути, Тхти-герой и Тхти-писатель-герой – это одно и то же лицо, в речи которого события уже нет, осталось только слово-притча. В глубинах этой притчи звучит мысль о том, почему он как писатель не может согласиться с тем, как давит на творческого человека официальная советская пропаганда.

Словом, текст распадается на несколько дискретных отрывков. Есть слово автора письма, носителя письменного монолога, рельефно обозначена речь получателя письма: таким образом вступает в свои права поэтика монтажа. Вместе с тем имеет свою силу

и слово супруги героя, хоть оно и закамуфлировано в речи рассказчика. Столкновение нескольких речевых позиций в прозе И. Тхти имеет принципиальное значение, столкновение различных речевых стихий таится в толще профаната и амбивалентного слова.

В «Помидоре» несколько рассказчиков: лицо, сообщившее о действиях Ивана-Осла как бы в 3-м лице; нежданный гость Улю, который развернул монолог о том, как Колумб привез из Америки томаты; внутренняя речь самого Ивана. Глубинные пласты композиции рассказа таятся в феномене «несказанного в сказанном». Ни словом, ни полусловом И. Тхти не намекнул на то, что Иван, названный Ослом, то есть глупым, – это лукавая игра. И не Осел он вовсе, а тонкий, умный, чувствительный человек.

То, что Иван пришел к Улю, – это фактически притчевый эксперимент: не для удовлетворения своих плотских вожделений он явился сквозь темень ночи, а чтобы преодолеть темень в своей душе. Нежданный Ослом гость Улю рассказывает историю Колумба в присутствии (правда, он сидит за печкой) умного Осла, а ум его – это как раз «несказанное в сказанном». И то, что Иван неоднократно ходил к Улю якобы отведать томатов (что, конечно, хитрая уловка) и что нежданный просветитель поведал историю Колумба, – это тоже фактически проходная нота.

Иван оказался в запечье как бы волею судеб. Запечье – это принцип жизни чувашей, не желающих выходить в мир. Событие запечья, факты и монолог о Колумбе необходимы как Тхти, так и Ивану, поскольку последний сам дробит мир на составляющие части как философ наива, практический мыслитель. Свою позицию он раскрывает через: 1) Улю (роль ее второстепенна), 2) рассказчика-просветителя, 3) внутреннюю речь Ивана – в «Помидоре»; 1) Шерхуллу (как основной герой), 2) рассказчика, 3) жену Мидюка (тоже второстепенное лицо) – в «Шерхулле». Но весь этот корпус держится на образе профанированного, лукавого рассказчика, человека умного и тонкого. Словом, проза И. Тхти – это глубоко народный феномен чувашской литературы, исповедующей философию национального наива.

Писатель в своих типах-героях раскрывает другие особенности чувашской национальной психологии. По утверждению И. Ю. Кирилловой, «…герои рассказов „Иптеш”, „Помидор”, „Шерхулла” и др. в сущности … однотипны: крестьяне, вызывающие к себе жалость» [3, с. 94]. На первый взгляд они ничтожны, беспомощны, жалки. Присмотревшись к ним, вслушавшись в их слова, приходим к заключению, что они строят из себя глупцов. Персонажам И. Тхти нравится прикидываться наивными, глупыми и т. п. Это можно заметить и в других рассказах мастера слова.

Резюме. На основе проведенного анализа рассказов можем сделать вывод о том, что И. Тхти показывает не формирование у героев характера определенного типа, а уже сложившиеся мышление, речь. Это заметно в многочисленных заговорах, причитаниях, монологах. Писатель мастерски владеет искусством слова, умело раскрывает глубокую философскую мысль. В специфике ведения повествовательной речи, образцы которой заимствуются из обыденной речи простых обывателей, в разговорных интонациях, восходящих к устно-культурным традициям фольклора и первым оригинальным мастерам слова, кроется секрет неповторимого национального колорита чувашского народа.

Выявление индивидуально-авторских художественных средств выдающегося чувашского писателя И. Тхти привело нас к мысли о том, что его творческая практика подняла чувашскую литературу на совершенно новый уровень не только в плане повествования и формы, но и эстетики. Художественное развитие у автора осуществляется не в сюжетном движении, а в отражении особенностей национального характера и мировосприятия чувашей. Развивая ценности чувашской прозы, И. Тхти ввел в нее игру слов, самоиронию, аллегорию, соединение подтекста и текста, огромную емкость душевного комизма, свои образцы воспроизведения действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемьев Ю. М.* Илья Ефимович Ефимов (Тхти). Поэзи. Проза. Публицистика. – Шупашкар : Чăваш. кĕн. изд-ви, 1979. – С. 3–14.

2. *История* чувашской литературы XX века. Ч. 1 (1900–1955 гг.) : коллективная монография. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2015. – 431 с.

3. *Кириллова И. Ю.* Илле Тăхтин ытарлă кулăшĕ // Тăван Атăл. – 2004. – № 12. – С. 52–53.

4. *Кириллова И. Ю.* Своеобразие художественного мира Илле Тхти : учебное пособие. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. – 156 с.

5. *Осипов Н. Н.* Художественный мир малой прозы Леонида Агакова. – Чебоксары : Чуваш гос. пед. ун-т, 2008. – 165 с.

6. *Тхти И.* Поэзия. Проза. Публицистика. – Чебоксары, 1979. – 376 с.

7. *Родионов В. Г.* «Помидор» калав историйĕ // Тăван Атăл. – 2014. – № 9. – С. 87–100.

8. *Родионов В. Г.* Чăваш литературин (1917–1930 çç.). – Шупашкар : Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2005. – 352 с.

9. *Федоров Г. И.* Гротескное единство трагизма и драматизированного комизма художественных ситуаций и судеб героев в чувашской литературе XX в. // Ашмаринские чтения : материалы Всероссийской научной конференции. – Чебоксары, 2008. – С. 51–63.

10. *Яковлев Ю. В.* Илем ăсти. Илле Тăхти çуралнăранпа 100 çул çитнĕ май // Тăван Атăл. – 1989. – № 9. – С. 27–29.

Статья поступила в редакцию 10.04.2019

REFERENCES

1. *Artem'ev Yu. M.* Il'ya Efimovich Efimov (Thti). Poezi. Proza. Publicistika. – Shupashkar : Chăvash. kĕn. izd-vi, 1979. – S. 3–14.

2. *Istoriya* chuvashskoj literatury HH veka. Ch. 1 (1900–1955 gg.) : kollektivnaya monografiya. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2015. – 431 s.

3. *Kirillova I. Yu.* Ille Tăhtin ytarlă kulăshĕ // Tăvan Atăl. – 2004. – № 12. – S. 52–53.

4. *Kirillova I. Yu.* Svoeobrazie hudozhestvennogo mira Ille Thti : uchebnoe posobie. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2009. – 156 s.

5. *Osipov N. N.* Hudozhestvennyj mir maloj prozy Leonida Agakova. – Cheboksary : Chuvash gos. ped. un-t, 2008. – 165 s.

6. *Thti I.* Poeziya. Proza. Publicistika. – Cheboksary, 1979. – 376 s.

7. *Rodionov V. G.* «Pomidor» kalav istorijĕ // Tăvan Atăl. – 2014. – № 9. – S. 87–100.

8. *Rodionov V. G.* Chăvash literaturi (1917–1930 çç.). – Shupashkar : Chăvash un-chĕn izd-vi, 2005. – 352 s.

9. *Fedorov G. I.* Grotesknoe edinstvo tragizma i dramatizirovannogo komizma hudozhestvennyh situacij i sudeb geroev v chuvashskoj literature XX v. // Ashmarinskie chteniya : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. – Cheboksary, 2008. – S. 51–63.

10. *Yakovlev Yu. V.* Ilem ăsti. Ille Tăhti çuralnăranpa 100 çul çitnĕ maj // Tăvan Atăl. – 1989. – № 9. – S. 27–29.

The article was contributed on April 10, 2019

Сведения об авторе

Осипов Николай Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: nikolay.osipov.1978@mail.ru

Author information

Osipov, Nikolay Nikolaevich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Languages, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: nikolay.osipov. 1978@mail.ru